

Святослав Каспэ*

«ПРОДАЙ ОДЕЖДУ СВОЮ И КУПИ МЕЧ»: ЕЩЕ К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЗЛУ**

Каспэ С. И. Политическая форма и политическое зло. — М. : Школа
Гражданского просвещения, 2016.

Самое нелепое, что может сделать отрецензированный автор, — объявить, что его не поняли или поняли не так, и пуститься в разъяснения, что он на самом деле хотел сказать. Конечно, не поняли; никто никогда никого не понимает; ни один автор не бывает полностью удовлетворен тем отраженным образом, который принимает его книга в чужом сознании, сколь угодно утонченном и доброжелательном (замечу в скобках, что с утонченностью и доброжелательностью рецензентов мне повезло в какой-то удивительной степени, — я пользуюсь случаем, чтобы выразить им свою искреннюю признательность). Просто потому, что это *чужое* сознание. Самым логически последовательным выводом из такой установки было бы, отчасти подражая борхесовскому Пьеру Менару, написать ту же самую книгу еще раз — дословно, до каждой буквы и знака. Чтобы не впадать в подобные комичные трепыхания, автору полезно взять за руководство апокрифическую реплику светлейшего князя Потемкина, якобы брошенную им Фонвизину: «Умри, Денис, лучше не напишешь!», — и смиренно принять вынесенный вердикт. Подлинная, более радикальная, чем бартовская, «смерть автора» должна быть самоубийством. Ее прилично совершать в тот момент, когда поставлена последняя точка и внесена последняя правка. Дальнейшее будет сказано именно из этой «посмертной» позиции, — как автор «Политической формы и политического зла» (Каспэ, 2016) я уже не существую. И теперь говорю как автор — может быть — чего-то следующего.

*Каспэ Святослав Игоревич, д. полит. н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), skaspe@hse.ru.

**© Каспэ, С. И. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Поэтому я не буду останавливаться на том, чего не поняли и что поняли в моем тексте оказавшие мне честь Александр Марей, Андрей Тесля и Мария Штейнман. Замечу только, что на самом деле они поняли почти все — и *о чем* написана эта книга, и *как* она написана, и *зачем*. Вопрос в том, чего теперь не понимаю я сам. Вопрос в том, какие новые окна возможностей для умственного усилия открывают их рецензии — и куда я хотел бы, если получится, заглянуть, несмотря на сквозящий из этих окон тревожный холод.

Меня интересует будущее западных политических форм, в особенности демократии, все еще остающейся для Запада генеральным нормативным стандартом политической формы и потому все еще (хотя и с ослабевающей уверенностью в собственной правоте) предлагаемой им незападному миру. Меня интересуют иные политические формы, способные вытеснить демократию или преобразовать ее во что-то, чему потребуются подыскивать уже иное название. Меня интересует, сохранит ли смысл само различие политического и неполитического, являющееся необходимым условием придания политическому той или иной формы, или структура человеческого существования станет задаваться какими-то другими различиями¹. Я хотел бы понять, как об этом будущем думать, — естественно, потому, что в этом будущем, по слабости характера, хотелось бы еще и выжить. Уже не как автору, а как *human being*.

Мария Штейнман полагает, что следовало бы шагнуть от политической метафоры к политическому мифу — и прозреть контуры будущего в прошлом, в «архаическом сознании», которое, видимо, преждевременно считать преодоленным и снятым. Не уверен; зло *per se*, возможно, действительно обладает вневременной природой и всего лишь меняет маски, под которыми проникает в то, что желает подвергнуть порче. Но порождаемое им *политическое* зло — равно как и другие его разновидности, а также, между прочим, как и *политическое* благо — исторически и культурно специфично, а значит, не может быть точным повторением уже бывшего. Генералы, готовящиеся к прошлой войне, рискуют проиграть надвигающуюся. Ну какая, в самом деле, архаика в «Исламском государстве» — или в его пародийной царевической реплике «Христианское государство — Святая Русь»? И то, и другое — лютая

¹Между прочим, в отсутствие политического не останется и ничего неполитического, что, пожалуй, еще тревожнее.

инновация, и для противостояния им потребны столь же инновационные средства, от интеллектуальных до полицейских и политических. С другой стороны, если ставится задача отражения политического зла «теми же средствами, которыми пользуется оно само, — средствами политического действия»² (Каспэ, 2016: 54), то архаизация противника, стигматизация его как хтонического «древнего ужаса» может быть умеренно и даже довольно эффективным способом мобилизации и воодушевления сторонников. Сражаться с троглодитами и варварами психологически проще, чем с продвинутой «молодой шпаной, что сотрет нас с лица земли». Важно только не забывать, что риторические фигуры, полезные для идеологического обеспечения боевых операций, малопригодны для их планирования.

Андрей Тесля спрашивает, «насколько вообще возможно „политическое“ в рамках тех реалий, которые фиксирует, в числе множества других наблюдателей, Розанваллон» (то есть так называемой «демократии множеств»). Я еще раз подтверждаю, что считаю рассуждения Розанваллона и его единомышленников неудовлетворительными. Если, как совершенно справедливо пишет Тесля, «в рамках демократии множеств демократию как политическую форму уже не получается субстанциализировать», значит, лишенная субстанции демократия попросту перестает быть — или становится собственной тенью, выжженной на стене напротив того места, где она когда-то была. Однако дело даже не в демократии, которая, в конце концов, есть всего лишь одна из политических форм Запада, — и решительно ни из чего не следует, что последняя или наиболее совершенная. Не исключено, что со временем демократия станет предметом романтической ностальгии, подобно тому как для Гилберта Кийта Честертона стало таким предметом рыцарское Средневековье (и будет иметь столь же мало общего со своим реальным историческим прообразом). Дело в том политическом, в рамке которого демократия возникла. «Возможно ли политическое без логики единства и иерархий?» Нет. «Может ли быть политическое существование вне единства в трансцендировании?» Снова нет. Если мы, хотя бы в силу сентиментальной привычки, хотим сохранить демократию, сперва надо задуматься о том, как сохранить политическое — даже если для этого потребуются наступить на горло некоторым своим сентиментам. И, главное, не происходит ли такой перезапуск политического

² Именно так я ставил задачу в своей книге (и продолжаю считать такую постановку легитимной).

«в безопасном режиме», то есть без всех факультативных дополнений и подключений, уже сейчас? Не являются ли в действительности те эксцессы, которые сегодня многими встревоженными наблюдателями квалифицируются как уклонение от демократической нормы³, реакцией самозащиты политического, сопротивляющегося перспективе собственного разрушения? А если являются, то насколько продуктивна эта реакция? Плодотворный ли это кризис адаптации или предсмертные судороги? Или — никогда нельзя вовсе исключать такую вероятность — все-таки правы алармисты, и тут действуют не антитела к смертоносному вирусу, а сам вирус?

«Свобода [...] является тем сущностным элементом политического, без которого оно перестает быть возможным», — утверждает Александр Марей. Хорошо, коли так, — тогда, если будет спасено политическое, то и свобода в том или ином виде уцелеет, а там, глядишь, и с демократией как-нибудь устроится. А ну как нет? Несвободное политическое — разве у нас нет опыта такого стесненного существования, и разве оно точно не может *mutatis mutandis* воспроизвестись заново? Или (вариант менее привычный и потому более трудный в исполнении) — что, если нам придется учиться жить свободно, но не демократически? И как нам этому научиться, если никакие прошлые формы недемократического, но все же достаточно свободного политического существования — а они были — не могут быть воспроизведены по той же фундаментальной причине невозпроизводимости никакого прошлого? Или все-таки еще можно сберечь не только политическое, но и демократию? Право же, не все в ней было дурно; а кое-что и прямо-таки хорошо.

Следующий ход мысли опять же подсказывает Марей: «Насколько возможна сакрализация демократии? И, если она возможна, то на каких условиях она может осуществляться?» Первый вопрос задан, конечно, не всерьез — «демократический культ» в том или ином виде существует почти повсеместно, а его догматы и ритуалы хорошо изучены. Никогда не отказываю себе в удовольствии процитировать одно из своих любимых утверждений Эдварда Шилза⁴: «Каждое общество имеет „официальную“ религию, даже тогда, когда это общество им самим или его представителями и интерпретаторами трактуется — более или менее корректно — как секулярное, плюралистическое и толерантное» (Shils, 1975: 3). В последнем перечислении прилагательное «демократическое»

³Здесь можно подставить хоть Путина, хоть Трампа — у кого что болит.

⁴Само собой, оно цитируется и в «Политической форме и политическом зле».

отсутствует, но явно подразумевается как самоочевидное. А вот второй вопрос совсем не тривиален, и каждая демократическая полития отвечает на него — или уклоняется от ответа — по-своему. Есть ощущение, что уклоняться становится все труднее. И все опаснее.

Поэтому меня все больше занимает феномен «гражданской религии», впервые описанный на языке современной науки Робертом Нилли Белла применительно к Соединенным Штатам Америки и затем обнаруженный, хотя и не в столь чистом виде, в некоторых других демократических политиях. «Гражданская религия», по Эмилио Джентиле, есть «форма сакрализации коллективного политического целого, не идентифицирующаяся с какой-либо политической идеологией или политическим движением [...] *общегражданский символ веры*, действующий поверх партий и конфессий. Она признает широкую индивидуальную автономию по отношению к освящаемому ею сообществу» (Gentile, 2005: 30) — это и делает ее более совместимой с демократией, чем смежный феномен «политической религии», также выводимый из построений Жан-Жака Руссо, содержащихся в предпоследней главе трактата «Об общественном договоре». Любопытно было бы посмотреть, нет ли корреляции между наличием и выраженностью такого комплекса символизаций (то есть, по Андрею Тесле, «единства в трансцендировании») и устойчивостью демократий к внешним и внутренним шокам и стрессам, к давлению политического зла. Примеры США и Израиля подсказывают, что должна быть.

Конечно, в более выгодном положении находятся те демократии, в которых «гражданская религия» складывалась синхронно с их возникновением, становясь тем самым органической частью учредительного события. Труднее тем, у кого такая фора отсутствует. Трудно, в частности, придется России, в которой советским и постсоветским опытом дискредитирована политическая трансценденция как таковая, подорвана сама способность к необходимому для построения «гражданской религии» коллективному ценностно-рациональному действию. Применение же обычных для нашего отечества приемов политической и идеологической инженерии скорее способно породить не «гражданскую», а как раз «политическую религию», то есть, по тому же Джентиле, форму «исключающей и интегривской сакрализации политики» (ibid.)⁵ — то ли в карикатурном, то ли в монструозном обличье.

⁵См. также: Gentile, 2006.

«Гражданскую религию» непросто выработать «на заказ»: для этого нужны не только священные образы и тексты (произвести их — вопрос профессионализма), но также пророки и мученики. Впрочем, то, что западное политическое — и демократия как один из его эпифеноменов, — возможно, все-таки найдет ресурсы выживания во враждебном окружении⁶, совсем не обязательно означает, что их найдут *все* демократии. Более вероятен запуск механизма естественного отбора, в ходе которого консолидация отдельных демократий будет сопровождаться сокращением их общего числа. Тут уместно вспомнить буквальный перевод французской поговорки, куда более жестокой, чем ее русский аналог: *Qui vivra verra*. Кто выживет — увидит.

ЛИТЕРАТУРА

- Каспэ С. И.* Политическая форма и политическое зло. — М. : Школа гражданского просвещения, 2016.
- Gentile E.* Political Religion: A Concept and Its Critics — A Critical Survey // *Totalitarian Movements and Political Religions*. — 2005. — Vol. 6, no. 1. — P. 19–32.
- Gentile E.* Politics as Religion. — Princeton : Princeton University Press, 2006.
- Shils E.* Center and Periphery: Essays in Macrosociology. — Chicago : The University of Chicago Press, 1975.

⁶Скорее всего, найдет. Уж сколько раз и то и другое хоронили, но первыми на кладбище истории неизменно отправлялись сами похоронные команды.

Kaspe, S. I. 2017. ““Proday odezhdu svoyu i kupi mech’: yeshche k voprosu o sredstvakh protivodeystviya politicheskomu zlu [‘Let Him Sell His Cloak, and Buy a Sword’: Once More on the Countermeasures against the Political Evil]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (4), 211–217.

SVYATOSLAV KASPE

DOCTOR OF SCIENCE (POLITICAL SCIENCE); PROFESSOR AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

“LET HIM SELL HIS CLOAK, AND BUY A SWORD”:
ONCE MORE ON THE COUNTERMEASURES
AGAINST THE POLITICAL EVIL

KASPE, S. I. 2016. *POLITICHESKAYA FORMA I POLITICHESKOYE ZLO [POLITICAL FORM AND POLITICAL EVIL]* [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: SHKOLA GRAZHDANSKOGO PROSVESHCHENIYA

REFERENCES

- Gentile, E. 2005. “Political Religion: A Concept and Its Critics—A Critical Survey.” *Totalitarian Movements and Political Religions* 6 (1): 19–32.
- . 2006. *Politics as Religion*. Princeton: Princeton University Press.
- Kaspe, S. I. 2016. *Politicheskaya forma i politicheskoye zlo [Political Form and Political Evil]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Shkola grazhdanskogo prosveshcheniya.
- Shils, E. 1975. *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. Chicago: The University of Chicago Press.